

А. С. Уваров

Христианская символика

Том 1 Символика древне-христианского периода

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. С. Уваров**
Христианская символика: Том 1 Символика древне-христианского периода / А. С. Уваров – М.: Книга по Требованию, 2024. – 222 с.

ISBN 978-5-458-62389-6

Уваров (граф Алексей Сергеевич, 1828 - 1884) – известный российский археолог. В обширном архивном наследии А. С. Уварова значительный пласт составляют материалы, относящиеся к исследованию христианской символики. Задуманный в конце пятидесятых годов прошлого столетия после длительного путешествия графа и графини Уваровых по Европе, этот труд остался незавершенным. В 1908 г. Д. В. Айдалов, Е. К. Редин и С. А. Жебелев по просьбе графини П. С. Уваровой издали первый том этой фундаментальной работы: «Символику древнехристианского периода». В предисловии редакторов описаны все, разобранные после смерти автора предназначенные к печати материалы.

ISBN 978-5-458-62389-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди обширных матеріаловъ, оставшихся въ бумагахъ покойнаго Графа А. С. Уварова, при разборѣ ихъ, выдѣлилось большое сочиненіе, плодъ продолжительнаго и упорнаго труда, названное Графомъ „Христіанской Символикой“.

Совершенно естественно сочиненіе это распалось на три части:

1) Первую часть, издаваемую теперь подъ спеціальнымъ заглавіемъ: „Символика древне-христіанскаго періода“.

2) Вторую часть, посвященную средневѣковой и древне-русской символикѣ съ присоединеніемъ къ ней „Символическаго словаря“, представляющаго рядъ отдѣльных, вполнѣ законченныхъ, иногда съ пропусками для дополненій, монографій по средневѣковой и русской народной и книжной, естественной и натуральной исторіи,

3) и, наконецъ, третью часть, заключающую разнообразныя историко-литературныя матеріалы, состоящіе изъ различныхъ бестіаріевъ и фізіологовъ, среди которыхъ многіе по своей научной цѣнности представляютъ и теперь значительный спеціальный интересъ.

Къ этимъ тремъ частямъ обширнаго труда самимъ Графомъ были заготовлены въ большомъ количествѣ деревянныя клише, а оттиски съ нихъ наклеены въ соответствующихъ мѣстахъ рукописи, при чемъ такими гравированными на деревѣ рисунками снабжены не только двѣ первыя части труда, но и третья часть, т.-е. матеріалы фізіологовъ. Въ настоящее время, когда изданы рисунки только одного Смирнскаго фізіолога (Стрыговскимъ), а въ трудѣ моего покойнаго друга и сотоварища по изданію перваго тома „Христіанской Символики“ Е. К. Рѣдина долженъ былъ появиться *in pleno* иллюстрированный бестіарій Космы Индикон-

лова, значеніе иллюстрацій къ фізіологамъ Графа Уварова, какъ научный починъ, будетъ оцѣненъ не сразу, но тѣмъ вѣрнѣе будетъ эта оцѣнка.

Первая часть труда, теперь издаваемаго, выполнена Графомъ по общимъ принципамъ, господствовавшимъ въ италіанской, нѣмецкой и французской наукѣ бо-хъ годовъ при объясненіи фактовъ древне-христіанскаго искусства. Основнымъ принципомъ была „*disciplina arcani*“, принципъ тайны, появленіе котораго въ наукѣ XVIII столѣтія отпугнулъ самъ авторъ, какъ особаго рода приемъ при изслѣдованіи происхожденія формъ христіанскаго искусства (см. стран. 3). Самъ онъ, держась въ общемъ этого принципа, внесъ въ него историческую перспективу, историческое воззрѣніе, рассматривая появленіе символическихъ знаковъ древнихъ христіанъ въ связи съ такими же знаками, существовавшими въ античномъ быту, особенно же въ связи со способомъ мышленія и созиданія иносказательныхъ представленій въ Евангеліи и Библии, свойственныхъ востоку. Главная сущность „*disciplinae arcani*“, состоящая въ томъ, что въ каждомъ отдѣльномъ изображеніи и знакѣ, равно какъ въ отдѣльной композиціи или рядѣ ихъ усматривается скрытое изображеніе догмата, удержана и въ трудѣ покойнаго Графа, систематизировавшаго весь символическій словарь древне-христіанскаго искусства около таинствъ, символа вѣры, молитвы Господней и ученіи о св. Троицѣ (см. стран. 6). Это направленіе, строго проводящее таинственный догматическій смыслъ начальнаго христіанскаго искусства¹⁾, до настоящаго времени удержался въ католическихъ ученыхъ школахъ Рима, Фрейбурга въ Брейсгау и доведенъ до крайностей монсиньоромъ Вильпертомъ въ его изданіи росписей римскихъ катакомбъ. Раціонализмъ Эдмонда Леблана поколебалъ въ основѣ эту доктрину, нѣмецкіе протестанты довели отрицаніе ея до полного признанія за древне-христіанскимъ искусствомъ лишь одного декоративнаго назначенія (Газенклеверъ), а русская ученая школа, не принимая явнаго участія въ этомъ продолжительномъ ученомъ разслѣдованіи формъ древне-христіанскаго искусства, выступила съ историческимъ и сравнительнымъ анализомъ формъ его, и для символа ищетъ историческаго и точнаго объясненія.

Покойный авторъ „Христіанской Символикой“, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердо сталъ на этой исторической почвѣ, хотя и отдалъ дань

¹⁾ **Ф. К. Kraus**, *Real-Encyclop. d. christl. Alterthums*, членъ „*Arcandisciplin*“.

научной доктринѣ своего времени. Очертанія всего труда Графа даютъ право сказать, что матеріаль, охваченный имъ при дальнѣйшей разработкѣ средневѣковой и русской символики, не только вышелъ за предѣлы указаной „дисциплины тайны“, въ выраженіи догмата, но потребовалъ переработки всего матеріала. Эта переработка началась въ неизвѣстное время, однако, съ точностью можно удостовѣрить на основаніи всей работы, что она послѣдовала послѣ долгаго промежутка времени, когда написаны были уже и сравнительно закончены многія монографіи Символическаго Словаря. Въ составъ этого словаря были внесены многія статьи первой части, и разложены по рубрикамъ и имъ былъ сдѣланъ общій реестръ.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что остались и нѣкоторые слѣды болѣе глубокой переработки, именно, въ случаяхъ, когда изъ первой части матеріаль вносился въ самое изложеніе указанныхъ монографій второй части. Процессъ объединенія обѣихъ работъ въ одну остался безъ продолженія, пресѣченный смертью Графа, и трудъ долженъ явиться въ свѣтъ съ предупредженіемъ, что незаконченность его состоитъ, именно, въ этомъ отсутствіи слитія обѣихъ частей въ одну, выполненную по пріемамъ болѣе поздней средневѣковой и русской символики.

Количество надписей, текстовъ и различныхъ памятниковъ, использованныхъ авторомъ въ первой части, никогда въ такомъ видѣ и объемѣ не появлялось на русскомъ языкѣ, при чемъ вся сложная ученая западная литература, современная Графу и болѣе ранняя привлечена для объясненія затронутого матеріала. Древне-христіанская эпиграфика никогда не была предметомъ ученой разработки въ русской наукѣ и о ней можно получить лишь нѣкоторое понятіе по общимъ описаніямъ въ популярныхъ сочиненіяхъ А. фонъ-Фрикена, Матвѣева (рѣдкое, оставшееся безъ продолженія изданіе), а затѣмъ, она, какъ опредѣленная область привлекалась къ изслѣдованіямъ строго научнаго характера извѣстными нашими учеными И. В. Помяловскимъ, В. В. Латышевымъ и друг. въ ихъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію отдѣльныхъ христіанскихъ надписей. Эпиграфическій матеріаль первой части труда покойнаго Графа вошелъ въ его произведеніе въ методологіи ему современной и представляетъ самую замѣчательную сторону его, крайне важную для русской науки, въ которой онъ заполняетъ очень существенный пробѣлъ. По мно-

гимъ вопросамъ авторъ внесъ новыя важныя поправки и объясненія. Все существенно важное въ европейской наукѣ о древне-христианской эпиграфикѣ и символикѣ, чѣмъ жила западная наука въ теченіе двухъ столѣтій, вошло въ трудъ Графа и представляетъ сводъ научныхъ воззрѣній его времени, въ который онъ внесъ съ своей стороны сильно выраженный историческій пріемъ изслѣдованія, начавши свой трудъ въ эпоху наибольшаго господства „*disciplinae arcani*“, когда послѣдняя была воспринята даже западнымъ масонствомъ, повидимому, по почину Рендслоба (1859 г.)¹⁾.

Вторая часть, трактующая о средневѣковой византійской и русской, частью западной символикѣ растений, животныхъ, змѣй и т. п., явится первымъ, крайне важнымъ вкладомъ въ русскую науку. По существу эта вторая часть представляетъ рядъ трактатовъ по средневѣковой естественной исторіи, проникнутой уродливыми сверхъестественными представленіями о фаунѣ и флорѣ. Обширный словарь символовъ, неоконченный по причинѣ сложности матеріала, показываетъ, что авторъ шелъ къ построенію своего труда путемъ отдѣльныхъ разысканій относительно каждаго символа, разраставшихся въ отдѣльныя монографіи, при чемъ общая часть является лишь введеніемъ къ словарю. Эта вторая часть представляетъ по методу рядъ штудій культурно-историческаго характера и въ основѣ своей покоится на изученіи фантастическихъ представленій о животныхъ, птицахъ, рыбахъ, змѣяхъ, драгоценныхъ камняхъ, деревьяхъ по литературнымъ источникамъ и памятникамъ искусства. Третій томъ матеріаловъ представляетъ рядъ оправдательныхъ документовъ для второй части труда, имѣющихъ къ тому же самостоятельное историко-литературное значеніе. Мы выскажемся объ этихъ матеріалахъ болѣе подробно при изданіи ихъ въ свѣтъ.

Корректурa при напечатаніи первой части была коллективной. Въ ней принимали участіе Д. В. Айналовъ, Е. К. Рѣдинъ и С. А. Жебелевъ. При изданіи текста пришлось подвести полныя заглавія сочиненій подъ цитаты, проверить многія сомнительныя ссылки и тексты надписей, приведенныя по стариннымъ иностраннымъ источникамъ. Во многихъ случаяхъ тексты надписей сохранены въ транскрипціи рукописи за невозможностью достать указаннныя Графомъ труды. Во многихъ случаяхъ также пришлось

¹⁾ Фидель, Исторія масонства, стран. 287—8. Сравните также Предисловіе къ этому тому графини П. С. Уваровой: авторъ задумалъ свой трудъ еще въ 50-хъ годахъ.

сгладить шероховатости слога, обычныя въ черновикахъ, но въ полной неприкосновенности оставленъ стиль языка, строй мыслей и аргументація автора.

Чтя трудъ и память русскаго ученаго, пріобрѣвшаго европейское имя, мы сочли нравственнымъ долгомъ принять на себя редакцію его сочиненія, чтобъ оно не потонуло во мракъ забвенія, а принесло ту пользу, на которую рассчитывалъ авторъ, затрачивая на него свои силы.

Редакторы { Д. Айналовъ.
Е. Рѣдинъ.

Оглавление.

	<i>Стран.</i>
Глава I	1
Примѣчанія къ первой главѣ	21
Глава II	23
Примѣчанія ко второй главѣ	52
Глава III	67
Глава IV	88
Глава V	89

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
25 строка 23	<i>ήλ'οπαις</i>	<i>ήλιοπαις</i>
45 стихъ 28	<i>δελεαζων</i>	<i>δελεάζων</i>
стихъ 33	<i>Ιχνια</i>	<i>Ίχνια</i>
стихъ 50	<i>δροσερφ</i>	<i>δροσερῶ</i>
64 стихъ 9	<i>τφ</i>	<i>τῶ</i>
109 строка 10	будеть	было (ср. стр. 23—5 и стр. 176)
строка 3	I,	L,
связу		

Перебитый порядокъ римскихъ цифръ, подъ которыми описаны отдельные символы въ V главѣ, удержанъ на основаніи рукописи и указываетъ на переработку матеріала для общаго символическаго словаря. Недостаётъ символа подъ римской цифрой IX.

ГЛАВА I.

Происхождение церковнаго правила о тайнѣ, *disciplina arcani*. Мнѣнія отцевъ церкви объ этомъ правилѣ. Предметы ученія церкви, подлежащія этому правилу. Строгость въ исполненіи этого правила. Составныя части символическаго языка. Источники символическаго языка: источники ветхозавѣтные и новозавѣтные, источники языческіе.

Для точнаго пониманія настоящаго значенія символическихъ изображеній, необходимо прослѣдить исторію ихъ происхожденія и ихъ развитія. Только при внимательномъ изученіи постепеннаго расширенія внутренняго смысла каждаго символа, можно замѣтить всѣ тѣ различныя пованія, которыя съ теченіемъ времени вошли въ значеніе каждаго извѣстнаго условнаго знака или символа. Каждый изъ нихъ, смотря по историческимъ обстоятельствамъ, объединяетъ въ себѣ болѣе или менѣе различныя понятія, связанныя между собою извѣстною общеою, основною идеею. Отсюда усложненіе внутренняго значенія символа находится въ прямомъ отношеніи ко времени, въ которомъ онъ былъ созданъ.

Самое начало христіанской символики тѣсно связано съ началомъ христіанской церкви и съ первоначальнымъ состояніемъ христіанскаго общества.

Угнетенное состояніе первыхъ христіанъ такъ хорошо извѣстно всѣмъ, что мнѣ не приходится еще разъ излагать всѣ тѣ гоненія, которымъ они постоянно подвергались. По этой причинѣ, не останавливаясь на этомъ предметѣ, я припомню только любопытныя свѣдѣнія, доставленныя христіанскими надписями. Изъ нихъ мы видимъ, что имя личное служило яркимъ отпечаткомъ положенія лица, носившаго его, и вмѣстѣ съ тѣмъ было вѣрнымъ отголоскомъ тѣхъ преданій и даже предубѣжденій, которыя характеризовали языческое общество первыхъ вѣковъ христіанства.

Въ эти столѣтія потомки древнихъ римлянъ стали подбирать себѣ имена, вполне отражающія состояніе нравовъ и обычаевъ современнаго общества. Они гордились теперь именемъ или прозваніемъ, какъ прежде гордились заслугами. Богачъ, проводя жизнь въ роскоши и нѣгѣ, бралъ имя отъ предметовъ его окружающихъ: отъ названій драгоценныхъ камней, благоуханій или цвѣтовъ: *Viola*, *Jacynthus*, *Gemmula*, *Margaris*, *Beryllus*, *Zmaragdus*¹⁾.

¹⁾ Fr a e h n, Ibn-Fozlan, pag. XXXIX. *Jakut* spaeterhin, als er sich durch seine Schriftstellerei bereits einen Ruf erworben hatte, seinen Namen in *Jakub* umänderte. *Jakub* bedeutet nämlich Rubin, Sapphir und war der Name, den man ihm als Slaven gegeben hatte; insoferne die Araber (wie die Römer) ihren Slaven gern Namen von Edelsteinen oder kostbaren Wohlgeruchen zu ertheilen pflegten. Andere Beispiele sind Lu'lu (Perle), Merdschan (Koralle), Kafur (Campfor), Sandal, u. s. w.

Впечатлѣнія веселія или сладострастія наводили на такія же названія, какъ: Melite, Hedone, Lepos, Eros, Amor, Lascivus, Lasciva, Suavis, Amoenus, Elegans, Prepon, Prepusa. Можетъ-быть, это обыкновеніе давать лицамъ названіе предметовъ перешло въ Римъ съ востока, гдѣ, какъ мы знаемъ, давали служителямъ и невольникамъ названія драгоценныхъ камней, но, вѣроятно, въ смыслѣ ласково-доброжелательномъ, какъ бы въ похвалу за ихъ усердную и преданную службу. Иногда римлянинъ вмѣсто названія предметовъ выбиралъ имена между понятіями отвлеченными, какъ: Pietas, Probitas, Aequitas, Dignitas. Вообще имена язычниковъ по преимуществу произошли отъ пріятныхъ или отрадныхъ воспоминаній. Они выражаютъ или роскошь хозяина, или ласку его, или подробности матеріальной обстановки его жизни.

Совершенно иное показываютъ намъ надписи относительно христіанъ. Презрѣніе и даже негодованіе, съ которыми язычники смотрѣли на христіанъ, ярко высказались въ подборѣ именъ для нихъ. Не только они клеймились именами гнусными, но даже и такими, въ которыхъ явно просвѣчиваетъ намѣреніе оскорбить. Иначе я не могу объяснить происхожденіе такихъ странныхъ наименованій, какъ: Importunus, Malus, Alogius, Fugitivus, Projectus, Exitiosus, Injuriusus, Calumniosus, Contumeliosus и даже Stercus и Stercoriosus¹⁾.

Свидѣтельство надписей подтверждается и словами древнѣйшихъ писателей церкви. Напримѣръ, Тертуліанъ, обращаясь съ негодованіемъ къ язычникамъ, восклицаетъ: „Называйте насъ Sarmenticii и Semaxii, потому что вы насъ сжигаете, привязывая къ дереву на серединѣ круга, сдѣланнаго изъ хвороста. Вотъ одѣяніе нашей побѣды, вотъ одежда наша, вышитая пальмами; на такой колесницѣ мы шествуемъ въ триумфъ“²⁾.

Къ презрѣнію, питаемому къ христіанамъ, присоединялась еще безпощадная клевета, взводившая на нихъ всякія обвиненія. Если съ этой стороны взглянуть на остальные названія, которыми поносили христіанъ, то каждое изъ нихъ будетъ ярко выставить историческій ходъ этой борьбы язычества противъ христіанства, — борьбы, въ которой старались позорить не только общественную, но и частную семейную жизнь каждаго христіанина (1)*).

Въ такомъ положеніи находились первые христіане. Окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, они невольно должны были принять извѣстныя мѣры предосторожности, слѣды которыхъ долго еще сохранялись въ христіанской церкви.

Ученый Августин³⁾ доказываетъ, что во второмъ и третьемъ вѣкѣ, во время преслѣдованій христіанской церкви, запрещено было открытое богослуженіе, и христіане принуждены были скрываться, исполняя втайнѣ свои

1) E. Le Blant, Inscriptions chrétiennes de la Gaule, antérieures au VIII siècle. T. I, 1856, Paris, № 86. A, pag. 168 и сл.; T. II, 1865, № 412, pag. 64. — Revue Archéol., X, 1864, pag. 4.

2) Apolog., cap. 4. „Licet nunc sarmenticios et semaxios appelletis, quia ad stipitem dimidii axis revincti, sarmenorum ambitu exurimur. Hic est habitus victoriae nostrae, haec palmarum vestis, tali curru triumphamus“.

*) Такимъ знакомъ отмѣчены особыя примѣчанія къ первымъ тремъ главамъ въ концѣ текста.

3) Augusti, Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie mit beständiger Rücksicht auf die gegenwärtigen Bedürfnisse der christl. Kirche. Leipzig 1817—1831, IV. p. 396; Handbuch der christlichen Archäologie. Lpzg., 1836—1837, I, pag. 93 ss.

церковные обряды. Продолжительность такого угнетеннаго положенія невольно отразилась и на самомъ богослуженіи христіанъ, а самыя мѣры предосторожности сохранились въ церкви и тогда, когда христіанская вѣра была уже признана самимъ правительствомъ.

Такое мнѣніе Августи вполне оправдывается исторіею первоначальной церкви, и сверхъ того подтверждается какъ самими памятниками, такъ и писателями церкви.

Первая и главнѣйшая мѣра предосторожности относилась до ученія вѣры. По необходимости, церковь принуждена была не только скрывать главные свои догматы отъ любопытства язычниковъ, но также отчасти и отъ своихъ оглашенныхъ, на твердость которыхъ она не всегда могла разсчитывать, какъ это явствуетъ изъ писемъ Плинія¹⁾. По его словамъ, нѣкоторые христіане при первомъ же допросѣ отказывались отъ своей вѣры и соглашались принести жертвы богамъ или изображеніямъ императора Траяна, и, наконецъ, даже поносили имя самого Христа. Между тѣмъ другіе христіане, на которыхъ было донесено, что они принадлежатъ къ новой вѣрѣ, отрицали справедливость такого показанія и увѣряли, что дѣйствительно прежде были христіанами, но теперь, уже давно, отказались отъ такого заблужденія.

При такихъ примѣрахъ малодушія необходимо было для возникающей церкви усилить мѣры предосторожности и оградить себя отъ всякой случайности, которая, неожиданно, могла бы погубить цѣлое общество. Эти мѣры должны были имѣть двойной характеръ: внѣшнія мѣры, какъ особые знаки, особые символы для членовъ христіанскаго общества²⁾, и внутреннія мѣры для охраненія самаго ученія отъ зловреднаго любопытства враговъ церкви. Оттого постепенное преподаваніе догматовъ христіанской вѣры окружено было тайною. Эта тайна существовала не только для лицъ постороннихъ, чуждыхъ христіанству, но также и для оглашенныхъ, готовящихся къ принятію крещенія. Скрывать отъ нихъ, до извѣстнаго времени, главные таинства христіанской вѣры не было дѣломъ произвола, а напротивъ того, оно происходило, какъ послѣдствіе правила, принятаго отцами церкви и основаннаго на священномъ писаніи.

Необходимость такого постепеннаго раскрытія христіанами догматовъ передъ лицами, готовящимися къ принятію христіанской вѣры, была основана на словахъ Спасителя (Матѣ. VII, 6): „Не дайте святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ передъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими и вращшеся расторгнуть вы“. Та же мысль повторена въ посланіи апостола Павла (I Коринѣ. III, 1): „И азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати, яко духовнымъ, но яко плотнымъ, яко младенцемъ о Христѣ“.

Сначала, можетъ-быть, такая мѣра предосторожности имѣла характеръ добровольнаго условія, которое исполнялось въ тѣхъ размѣрахъ, въ кото-

¹⁾ Cottelerius, S.s. patrum qui temp. apost. floruerat. II, p. 181. — Mamachi, Originum et antiquitatum christianarum libri XX. Roma 1749—1553, I, p. 416. — Изъ писемъ Плинія видно, что очень часто подавались доносы на христіанъ, и что римское правительство никогда не пренебрегало этими доносами.

²⁾ Seel, Die Mithrageheimnisse während der vor- und urchristlichen Zeit. Aarau 1823, p. 697.

рыхъ было постановлено, безъ одинаковаго, обязательнаго значенія для всей церкви христіанской. Повидимому, мѣстное значеніе такихъ условій или мѣръ доказывается тѣмъ, что во времена, ближайшія къ апостоламъ, мы не встрѣчаемъ еще ясныхъ слѣдовъ такой предосторожности отъ оглашенныхъ, а напротивъ того, видимъ, что апостолы въ проповѣдяхъ открыто объясняли таинства крещенія и даже причащенія¹⁾, между тѣмъ какъ впоследствии, въ особенности эти два таинства заботливо скрывались отъ невѣрующихъ.

Съ развитіемъ церковнаго строя эта мѣра предосторожности теряетъ свой характеръ мѣстнаго постановленія и постепенно начинаетъ переходить въ правило общее для всей церкви. Тогда начали отдѣлять оглашенныхъ отъ вѣрныхъ, стали долгимъ испытаніемъ удостовѣряться въ твердости и преданности оглашенныхъ. Но вообще, до первой половины второго вѣка, всѣ эти предосторожности сохраняютъ условное значеніе и не переходятъ еще въ систематическое правило, положительно установленное всею христіанскою церковью. Оттого въ твореніяхъ св. Іустина Мученика (103—165 гг.), мы не встрѣчаемъ еще ни одного прямого намека на такое церковное правило. Іустинъ открыто, безъ оговорокъ, пишетъ о всѣхъ догматахъ, а въ разговорѣ съ іудеемъ Трифономъ обсуживаетъ и толкуетъ тѣ именно догматы и таинства, которые, въ скоромъ послѣ него времени, обязательно скрывались отъ всѣхъ, не принявшихъ еще крещенія.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ того же столѣтія, Тертуліанъ (160—245 гг.) намѣренно умалчиваетъ о нѣкоторыхъ догматахъ, и даже ставитъ еретикамъ въ упрекъ отсутствіе всякой тайны въ ихъ богослуженіи и отсутствіе всякаго различія между вѣрными и оглашенными: „Неизвѣстно, кто оглашенный, и кто вѣрный: всѣ такъ-же слушаютъ, такъ-же молятся. Ежели бы даже вошли и язычники, то они (еретики) готовы метать святая тамъ, и свиньямъ бисеръ, хотя и не настоящій“ (De praescript. adv. haeret. XXI). Впоследствии тотъ же упрекъ еретикамъ повторяется у св. Аѳанасія (Apolog. II. Опр. Т. I, р. 133).

Изъ такихъ мнѣній духовныхъ писателей ясно видно, какъ мѣра, сперва частная и мѣстная, восходитъ, послѣ половины второго вѣка, на степень правила церковнаго, весьма уже точно опредѣленнаго въ словахъ Тертуліана (Apolog., cap. VII, ed. F. Oechler, V, р. 138): „всѣ таинства закрываются молчаливою вѣрою“.

То же самое, и также въ значеніи правила церковнаго, упоминается у Иринея (120—208 гг.), а потомъ восхваляется у св. Климента Александрійскаго (150—217 гг.). Затѣмъ уже у св. Кирилла Іерусалимскаго въ особенности рѣзко обозначено различіе между ученіемъ, преподаваемымъ вѣрнымъ, и приготовительнымъ обученіемъ оглашенныхъ. Изъ его словъ замѣтно, какъ въ четвертомъ вѣкѣ прежняя предосторожность хранить втайнѣ нѣкоторые догматы перешла теперь въ стройное правило, вполне признанное церковью. Онъ прямо указываетъ на необходимость такого правила. „Когда опытомъ

¹⁾ В ъ т р и н с к і й, И. Памятники древней христіанской церкви, или христіанскихъ древностей. С.-Пб. 1829—1845, II, 320 и сл.